

*Хожу туда-сюда по Бикон-Хилл,
Ищу дорожный указатель на
Улицу милосердия.
Там нет.*

*Пробую найти ее в Бэк-Бэй.
Там нет.
Там нет.*

— Энн Секстон¹

¹Энн Секстон (1928–1974) — американская поэтесса и писательница. Училась в Бостонском университете вместе с Сильвией Плат. Покончила с собой в сорок пять лет. — *Здесь и далее прим. пер.*

З И М А

Всегда сложно определить, где начинается история. К тому времени, как мы оказываемся в этом мире, полностью населенном другими людьми, драма в самом разгаре. К тому времени, когда мы появляемся на сцене, — громкие, страдающие недержанием, как взрывающиеся грязные бомбы, — кульминация уже далекое воспоминание. Наше появление на свет — не начало, а следствие.

Точка отсчета условна. Когда Клаудия вспоминает ту зиму (чего жительница Новой Англии просто не может не делать), дни сливаются в ее памяти: слабый свет гаснет рано, грузовики с солью грохочут по проспектам, резкий ветер пронизывает пальто. В то время у нее не было ни малейшего представления о построении невидимых сил, о приведенной в движение цепочке событий.

Как и всех остальных, ее занимал снег.

Зима пришла поздно, как ворчливый старик, который отказывается поторапливаться. Первые недели января были сухими и тихими: голый асфальт и короткие синие дни, ослепляющий свет над гаванью, чайки, ныряющие в лучи косоугольного зимнего солнца. Затем над побережьем пронесся мощный северо-восточный ветер, кружась и брыкаясь, как боец кунг-фу. За ночь выпало тридцать сантиметров снега. Школы закрыли, рейсы отложили, целые районы остались без электричества. Приемный покой клиники опустел, Мерси-стрит¹ стала почти непроходима.

¹ Букв.: улица милосердия (*англ.*).

Три дня спустя разразилась вторая снежная буря.

Снег, и еще больше снега. Тротуары сужались с каждой неделей. Пешеходы передвигались гуськом, аккуратно переставляя ноги. Парковочные места усыхали, пока в конце концов не исчезли совсем, а на их месте выросли высокие сугробы.

ХОЛОДНЫМ УТРОМ В СРЕДУ В СЕРЕДИНЕ ФЕВРАЛЯ перед клиникой собралась толпа, спиной к Мерси-стрит. Клаудия стояла у окна на втором этаже в кухне для персонала и считала головы.

— Тридцать шесть, — произнесла она вслух.

Сверху группа выглядела организованной. Люди образовывали концентрические круги, похожие на годичные кольца дерева. В центре стояли корифеи — священники архиепископа в гладких нейлоновых брюках, несколько монахов из францисканского монастыря в Нью-Бедфорде, — полы их коричневых ряс торчали из-под зимних пальто. Во внешних кольцах были обычные люди, сжимавшие в руках четки или транспаранты. Они пришли прямо из церкви, — их лбы были перемазаны темной сажей. *Как жертвы перестрелки*, подумала Клаудия. Тем утром, по дороге на работу, она видела много таких лбов. В Бостоне, несмотря на последние события все еще в самом католическом городе Америки¹, Пепельная среда — это не шутки.

К ней подошла Мэри Фейи, приемная медсестра.

— Для Пепельной среды не так уж и впечатляюще. В прошлом году было раза в два больше.

— Наверное, это из-за снега, — ответила Клаудия.

В загроможденной кухоньке было очень тесно, в кофейнике заваривался свежий кофе. Телевизор показывал

¹ Имеется в виду череда скандалов, связанных с сексуальными домогательствами в отношении детей, прогремевших в Бостоне в начале 2000-х годов.

«Эн-И-Си-Эн», кабельную сеть Новой Англии. Главной новостью стала зима, самая снежная за 364 года, а это примерно столько же, сколько люди в этих местах жалуются на погоду. Надвигалась еще одна буря, в Карибском море зарождалась область низкого давления. *«Задраиваем люки, господа. Это еще один северо-восточный монстр»*. Метеоролог, человек с лопатообразным лицом в плохо сидящей спортивной куртке, не мог скрыть своего веселья.

— Ты посчитала вон тех сзади? — спросила Мэри. — За Пухляшом.

На периферии, уткнувшись в мобильные телефоны, как скучающие незнакомцы на автобусной остановке, стояли несколько зевак. Были ли они частью протестующих или просто проходили мимо, сказать было невозможно.

— Нет, — призналась Клаудия. — Насчет их я не уверена.

Тридцать шесть человек, на ее взгляд, было осязаемым числом. Под объемными куртками они могли прятать что угодно. В клинике работали двенадцать человек: не считая охранника Луиса, все женщины и все безоружные.

Она изучала их лбы. Значение ритуала было несколько туманным. Идея, по всей видимости, заключалась в том, чтобы напомнить верующим об их смертности, — как будто это кому-то могло понадобиться. Едва ли для кого-то было секретом, чем все в итоге кончается. Со всех сторон одни спойлеры.

Тридцать шесть, конечно, осязаемое число, но, случись что, хватит и одного.

Северо-восточный монстр. В том году это было общепринятое название, утвержденная номенклатура. Зимой 2015 года в Бостоне снежную бурю нельзя было назвать ни суровой, ни мощной, ни даже свирепой. К Пепельной среде сезон уже заклемили. Еще один Северо-восточный монстр™ был в пути.

МЕРСИ-СТРИТ СЛОЖНО НАЗВАТЬ УЛИЦЕЙ. Она занимает всего один квартал к юго-востоку от парка Бостон-Коммон, в части города, когда-то известной как Зона Боевых Действий. Давным-давно это был местный квартал красных фонарей: темный, тесный район, переполненный тавернами, массажными салонами, пип-шоу, порнокинотеатрами и другими извращениями двадцатого века, которые сейчас кажутся такими же старомодными, как корсеты. Проститутки слонялись перед забегаловкой «Хорошее времечко у Чарли», окликавая мужчин в форме — моряков с военно-морской верфи в Чарльзтауне в увольнении.

Никого из них уже нет — ни девушек, ни моряков. С годами район облагородили. По всем внешним признакам, боевые действия прекратились. После закрытия военно-морской верфи забегаловки снесли, а полуразрушенные улицы отремонтировали. Порнокинотеатры продержались еще пару лет, пока цифровая эпоха не прикончила их окончательно. Теперь одинокие мужчины мастурбируют, сидя дома перед компьютером, — очевидная победа технологий. Выходить из дома стало совершенно незачем.

Секс покинул Зону Боевых Действий. А потом пришли строители. На улице выросли офисные башни, крытые парковки и коммерческие помещения для магазинов и ресторанов, до которых легко добраться от станций Чайна-таун Даунтаун Кроссинг. К тому моменту, когда совет директоров клиники, заседающий за три тысячи километров в Чикаго, решил арендовать одно из этих зданий, никто из них даже не слышал про Зону Боевых Действий. Ничего не подозревая, они сделали очень поэтичный выбор.

Клиника входит в «Вэллуэйз» — небольшую, но стабильно растущую сеть реабилитационных центров, лабораторий, тестирующих на наркотики, а также клиник женского и психиатрического здоровья в восемнадцати

штатах и округе Колумбия. Из всего этого настоящую прибыль приносят только лаборатории. Хотя технически «Вэллуэйз» является некоммерческой организацией, они все равно считаются крупными игроками на рынке мочи.

Наркомания и алкоголизм, депрессии и тревожные расстройства, случайные беременности и венерические заболевания. Считается, что все эти проблемы объединяет один и тот же источник — утрата добродетели. Каким бы ни был диагноз, у всех пациентов «Вэллуэйз» есть одна общая черта: люди считают, что в своих проблемах — частично или полностью — те, черт побери, виноваты сами.

Над входной дверью клиники висит деревянная вывеска, выкрашенная в голубой и лимонно-желтый цвета, с названием «Выбор Женщины», которое никто не использует. В Бостоне она известна просто как Мерси-стрит, улица Милосердия.

ВНИЗУ НА ТРОТУАРЕ СВЯЩЕННИК ПРОПОВЕДОВАЛ В МЕГАФОН — на двойной скорости, как аукционист рогатого скота: *«Радуйся Благодатная! Господь С Тобою»*¹.

Толпа отвечала низким гудением, точно пчелиный рой.

— Ты глянь-ка, — сказала Мэри с некоторым удовлетворением. — И все мужики.

— Уверена? — Это было необычно. Клаудия связывала такое засилье религиозных представителей с Пепельной средой. — Зуб даю, что видела женщину.

Шапки, шарфы и толстые зимние куртки — у протестующих не было ни возраста, ни фигуры, ни пола. Некоторые поставили свои транспаранты на землю, чтобы прочесть Розарий. Вдоль среднего круга пробиралась фигура в синей парке, останавливаясь, чтобы стряхнуть с транспарантов снег.

¹ Католический вариант молитвы «Богородице Дева радуйся».